

Глава VI

ГОРОДСКОЙ ГЕРБ И ДОЛЖНОСТНОЙ ЗНАК

В отделе нумизматики Государственного Исторического музея хранится любопытный экспонат. На металлическом жетоне надпись: «4-й части: квартала надзиратель», а в центре жетона — изображение герба города Твери. В той же коллекции имеются и другие знаки с городскими гербами: агента оценочной комиссии, городского контролера по канализации, базарного смотрителя. Как правило, все они датируются XIX в. На первый взгляд такое сочетание удивляет: с какой стати должностной знак простого служащего несет символ города? Это ведь не городской голова, не член городской думы... Казалось бы, что в качестве символа «градского общества» городскому гербу следовало занять другое место, а уж если помещать его на знаке должностного лица, то это должен быть не иначе как «отец города». Тем не менее XIX век оставил нам много самых различных вещественных памятников, отмеченных городскими гербами. Кроме городских печатей, территориальный герб (городской, губернский, областной) изображался: на знаках должностных лиц; на печатях различных организаций и лиц, занимающих определенные административные посты; на пуговицах, погонах должностных мун-

диров гражданских служб и на кокардах их головных уборов; на памятных медалях и жетонах; на флагах местных любительских и профессиональных организаций; на пограпичных, межевых и прочих знаках, разделяющих губернии, и т. д.

Городской герб превратился в подобие украшения. Однако не надо забывать, что украшение-то было особое: царский вензель, корона, скипетр и прочие символы царизма, вплетенные в рисунок герба, напоминали, подчеркивали, вбивали в головы людей идею о незыблемости монаршей власти. Делалось это при помощи визуальной пропаганды ее атрибутов.

Забегая вперед, отмечу, что на протяжении XIX в., вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, институт герба использовался почти исключительно в целях укрепления идеи самодержавия, поддержания престижа царской власти; герботворчество включается в систему правительственных мер по усилению централизации и бюрократизации государственного аппарата. Но ведь городской герб — это прежде всего символ самоуправления города, его отличительный знак; он свидетельствует о значимости города в общественной жизни... Такое место (по крайней мере формально) отводилось городскому гербу согласно Жалованной грамоте 1785 г.

Преемник Екатерины II Павел I отменил пышный акт пожалования городу самоуправления, который в виде рассылки Жалованной грамоты и красочного герба ввела императрица. 5 августа 1800 г. он издал указ — составить в Герольдии «Общии гербовник городов Российской империи». Все подлинники городских гербов, утвержденных монархом, хранились отныне в Герольдии. Вместо Жалованной грамоты и красочного подлинника герба городу посылалась только копия. По-видимому, смысл подобной процедуры был таков: уничтожить даже мысль о самостоятельности города, которую последнему давали Жалованная грамота и герб как символы этой самостоятельности. Воля монарха — единственное, что может определять степень прав города.

Герольдия рассылает по городам копии гербов вместо жалованных грамот, но вынуждена прервать работу. К власти приходит новый император — Александр I — и восстапавлпвает Городовое положение, Жалованную грамоту городам. Герольдии приказано приостановить рассылку копий гербов и производить «заготовление и

выдачу городам грамот по точной силе вышеописанных 1785 и 1786 года указов». Одновременно указывалось «не останавливать... и сочинение из всех гербов общего городского гербовника для хранения оного при Сенате».

Однако в силу ли общей политики в отношении городского устройства и управления, проводимой правительством в первой половине XIX в. (исследователи правового положения русского города считают, что до 1846 г. Городовое положение конца XVIII в. не изменилось), в силу ли иных обстоятельств, но до 40-х годов XIX в. «Общий гербовник городов» так и не был составлен.

Только в 1839—1840 гг. в Герольдии решено собрать копии употребляемых городских гербов: их надлежало получить из всех губерний и уездов вместе с описаниями. Далеко не все губернии откликнулись на запрос, а некоторые города, как оказалось, вообще не имели гербов. Пора было, видимо, сочинить недостающие гербы, но Герольдия не проявляет особого энтузиазма в плане городского герботворчества. Работу по сочинению гербов Герольдия намеревалась возложить на губернское начальство: пусть гербы составляют на местах «на основании исторических о каждом городе воспоминаний и других каких-либо местных сведений». Проходит время, и в октябре 1843 г. герольдмейстер Д. Н. Замятин сообщает министру юстиции В. Н. Панину (который курировал деятельность Герольдии), что составление «Общего гербовника городов Российской империи» все еще не начато. Более того, в Герольдии даже нет рисунков городских гербов: несмотря на то что «подлинные высочайше утвержденные гербы городов должны храниться в Герольдии, но таковые, однако же, хранятся не в оной, но в Сенатском архиве, переплетенные вместе с прочими высочайшими указами». Это было большим неудобством, «ибо гербы те должны всегда находиться под рукою как для беспрестанных справок, так и для соображений при рассматривании сочиняемых новых гербов городам».

«Рассматривания» вновь не последовало, хотя министр юстиции лично указал Герольдии на необходимость создания городского гербовника, так как эта «обязанность не выведена из круга прямых ее занятий». Герольдмейстер оправдывался тем, что трудно-де извлечь рисунки гербов из Сенатского архива, что средств у Герольдии мало...

Дело государственной важности — работа над подготовкой и выпуском «Полного собрания законов Российской империи» (далее: ПСЗ) — настоятельно требовало, чтобы Герольдия занялась проверкой помещенных в нем описаний гербов, составила недостающие гербы и т. д. Рисунки гербов, утвержденных и узаконенных как Приложение к ПСЗ, издали отдельной книжкой в 1843 г. В Герольдию после этого пришел список городов, вопрос о гербах которых оставался открытым. Ответ герольдмейстера был настолько невразумительным, что нельзя было понять: то ли гербов городам из списка не было дано вообще, то ли они не были утверждены установленным порядком.

Поскольку издание ПСЗ контролировалось правительством, Герольдия получила самые серьезные указания сверху содействовать унифицированию публикуемых в нем материалов о городских гербах. Особо отмечалось, что «если который-либо город, как, например, Астрахань и Газенпот, употребляют уже герб, усвоенный ему обычаем или начальством в старое время, то не сочинять для него нового герба, но подносить к высочайшему утверждению употребляемый им герб».

Оперативность, динамичность, четкость и планомерность действий по урегулированию и утверждению городских гербов — вот что требовалось от Герольдии. Соблюдение формы, четкой системы, которые кардинально не меняли суть многих предпринятых правительством Николая I мероприятий в различных областях государственной жизни, возводилось в основной принцип деятельности, закон, что влекло за собой распоряжения, предписания, установления... Вот и городское герботворчество, низведенное почти во всех странах Европы, главным образом под влиянием Французской буржуазной революции, до положения жалкой проформы, в России середины XIX в. подвергалось строгому регламенту и учету. Сам царь Николай I требовал, чтобы гербы составлялись строго «по правилам геральдики». Для большей упорядоченности их создания все дела по герботворчеству передали в ведомство министра внутренних дел. 3 мая 1829 г. именной указ по Министерству внутренних дел сосредоточил материалы, касающиеся гербов городов, губерний и областей, в Департаменте полиции исполнительной. Через Комитет министров рисунки гербов подавались на подпись царю.

Однако ведь сначала надо было появиться рисунку.

И вот Министерство внутренних дел предпринимает ряд мер по сосредоточению у себя проектов городских гербов. 12 ноября 1836 г. в губернии и области, гражданским и военным губернаторам рассылается циркуляр с требованием уведомить, все ли города данной губернии имеют гербы; «и если не все, то, составив проекты гербов, доставить их в министерство для представления к утверждению». Что интересно в этом циркуляре? Министерство внутренних дел устраняет Герольдию от герботворчества и целиком возлагает его на местные органы власти. Кто же на местах занимался созданием гербов? Вот что сообщал енисейский губернатор: в его губернии составление рисунков гербов было поручено Строительной комиссии, но она не выполнила задания. Тогда работу поручили «одному из учителей здешнего уездного училища, обучавшему рисованию». «Проекты гербов,— пишет губернатор,— составлены им под моим руководством и по отличительным свойствам каждого из округов». Кстати, среди проектов гербов этой губернии есть и герб Красноярск: «В голубом щите представленный венок и сноп из колосьев означают плодоносную почву земли; далее видно песчано-глинистое возвышение (яр) с обрывами красного цвета (Красноярск), облегающее Красноярск на большое пространство, по левой стороне реки Енисея». Но ведь герб Красноярск как города Томской губернии утвержден еще в 1804 г. (на гербе — красная гора)! А через 20 лет отослан другой вариант красноярского герба (Енисейской губернии): щит разделен горизонтально надвое, в верхнем зеленом поле — белая лошадь, в нижнем серебряном поле с левой стороны — красная гора. Не много ли гербов у одного города? В конце концов в 1851 г. у Красноярск появился еще один герб, последний вариант: в красном поле стоящий на задних лапах золотой лев, в передних лапах несущий серп и лопату.

Из Астраханского губернского правления прислана в 1839 г. известная астраханская эмблема с пояснением, что этот герб усвоен «начальством с давнего времени, вероятно, с покорения Астраханского царства под скипетр Российской державы». Оттуда же прибыли проекты городских гербов Красного Яра, Черного Яра, Енотаевска, они составлены «учителем здешней гимназии Шамшевым». А после нового запроса, в 1849 г., Астраханское губернное правление поручило губернскому землемеру, «соображаясь с описанием проектированных гербов для

городов Красного Яра, Инотаевска, Черного Яра, составить оным новые проскты с соблюдением всех правл геральдики...».

Бессарабское областное правление прислало гербы, составленные в ведомстве областного землемера. Там же им дано соответствующее толкование, объяснены эмблемы.

Луганская же городская дума не нашла ничего лучшего, как утвердить проект городского герба, который составил коллежский асессор Першин.

Однако не только учителя и землемеры занимались на местах герботворчеством. В 1819 г. генерал А. П. Ермолов по собственной инициативе создал проект герба Грузии. Генерал намеревался представить гербы всех уездных городов, находящихся под его управлением. А новгородский, тверской и ярославский генерал-губернатор спроектировал герб Череповца и подал его на подпись императору. Герб уездного города Лепеля составлен витебским губернским предводителем дворянства. Проект герба Иваново-Вознесенска создал владимирский губернатор. Самарский губернатор прислал в Герольдию свои соображения о гербах Николаевска и Новоузенска. Рисунок герба города Таганрога был представлен таганрогским градоначальником, а гербы городов Екатеринославской губернии составлялись местным губернским начальством.

Приведем примеры прямо-таки массового герботворчества, которое осуществляли местные власти. Двадцать просктов гербов Грузино-Имеретинской губернии, Каспийской области, их уездов и городов представил Сенату министр внутренних дел. Он доложил, что эти гербы «начертаны по проектам совета Главного управления Закавказским краем». Гербы всех городов Енисейской губернии составило Енисейское губернское правление, гербы городов Семипалатинской области — местные городские управления и т. д.

Требования, предъявляемые к создателям гербов, в XIX в. оставались традиционными: отразить в рисунке герба исторические, экономические и территориальные особенности города. Когда речь зашла о гербе Семипалатинска, «члены ратуши по совещании с почетнейшими купцами и мещанами» предложили такой проект герба: в одной части гербового щита помещен верблюд «с навьюченными на нем тюками в знак торговли на караванах с соседними азиатами», а в другой — соха «со всем

прибором в знак хлебопашества поселения, в рожь пшеница и английская ярица».

Не все губернии могли дать четкие сведения о гербах подчиненных им городов. В курской чертежной палате конии с гербов Белгорода и Путивля; как они туда попали — непонятно. Эмблемы Белгорода и Рыльска известны с первой трети XVIII в., а курский губернатор заявил, что эти города утвержденных гербов не имеют. Полтавский губернатор не сумел найти достойных внимания фактов и событий, на основании которых можно было бы нарисовать гербы городов Константинограда и Кобеляк.

Министерство внутренних дел, занимаясь территориальными гербами, с возложенной задачей справлялось, но работа невольно сопровождалась «межведомственными» сложностями, ведь часть гербов (копии, а возможно, и подлинники) оставалась в Герольдии, из-за этого на многие запросы министерство не могло ответить. Трудно было в середине XIX в. вести строгий учет всех прежних и вновь создаваемых гербов — возникали «накладки»: некоторые города (Кострома, Красноярск, Таганрог) стали обладателями сразу нескольких гербов; другие города (Самара, Белгород, Путивль, Рыльск, Царицын), имевшие «старые» эмблемы, оказались без официально утвержденных гербов. Не было единого центра, руководившего герботворчеством. Случалось, что проекты гербов одних и тех же городов составлялись в двух «конкурирующих» организациях: в Министерстве внутренних дел и в Герольдии.

Постепенно создание гербов возвращается «на круги своя» — в Герольдию. Опять (в который уж раз!) начинает здесь складываться штат живописцев. Найти их оказалось не так-то просто. В 1846 г. вакантные должности художников в Герольдии не были заполнены. В конце концов их заплл ипострапцы, не имеющие права в обычном порядке вступать в гражданскую службу. В специальном правительственном постановлении по поводу отступления от закона делалась ссылка на то, что крайне затруднительно отыскание «опытных по этой части художников». От «некомплекта» же художников остановилась работа по изготовлению гербов.

...Многие годы во славу российской геральдики трудился живописцы А. Беземан (ганноверский подданный) и уроженец Финляндии О. Альтдорф. Они, «зани-

маясь неоднократно отделкою гербов... приобрели навык, необходимый для сего рода живописи». Печальна судьба художников. Им приходилось трудиться над рисунками дворянских и городских гербов, однако вместо обещанных 400 рублей в год они получали лишь 280 рублей. По этому поводу художники ежегодно отправляли рапорты, на которые ответа не получали. В документах Герольдии содержится слезное прошение вдовы Альтдорфа о помощи, так как после смерти мужа она осталась без средств к существованию. Ей выделили на похороны художника 25 рублей. В 1867 г. старший художник Беземац, прося о назначении пенсии, писал, что, проработав в Герольдии более 20 лет, потерял зрение и здоровье, а в результате не имеет никаких средств к существованию и сил для работы.

Кроме этих двух художников, хотелось бы отметить еще одного живописца, который в середине XIX в. преданно служил делу создания гербов. Губернский секретарь Н. Фадеев в 1857 г. выдержал конкурс на место живописца Герольдии. Спустя несколько лет он уже получал оклад 600 рублей в год. Современники отмечали, что трудно было в Европе найти живописца, который бы имел такой хороший геральдический вкус и так тонко и искусно исполнял рисунки гербов.

Сосредоточение городского герботворчества в середине XIX в. в Герольдмейстерской конторе происходило под личным наблюдением царя. Он предложил, в частности, усилить пропагандистский характер городских гербов как знаков, отражающих правительственную политику. В 1851 г. Николай I дал указание «принять на будущее время за правило на гербах губерний, областей и губерпских городов, кои впредь будут представляемы на высочайшее утверждение, изображать всегда императорскую корону; на гербах же городов уездных ставить ныне употребляемую подобными городами городскую корону. По усмотрению министра внутренних дел императорскую корону употреблять только тем уездным городам, кои отличаются от прочих обширностью населения и вообще своею значительностью в административном, торговом и историческом отношениях».

Волю монарха по преобразованию российских территориальных (городских, губернских, областных) гербов выполнил «ученый геральдик», известная в XIX в. личность, барон Б. В. Кёне. Он очень угодил правительству своей деятельностью на поприще герботворчества: разра-

ботанная им система украшений не только унифицировала существующие гербы, делала их носителями определенных, строго установленных сведений об обозначаемых территориальных пунктах, но и приносила в каждый герб обязательный символ царской власти в виде различной формы короны.

За несколько лет до назначения в Герольдию Кёне она была преобразована в департамент Сената. Департамент герольдии в 1848 г. получил права, равные с другими департаментами Сената. Встал вопрос о создании при нем особого отделения, где бы составлялись гербовники и рисовались гербы — словом, проводилась вся художественная работа. Специальное отделение по изготовлению гербов — Гербовое отделение — учреждено 10 июня 1857 г. Отделение состояло из управляющего, секретаря, художника (художников) и чиновников для письма. Ответственность за составление гербов нес сам управляющий, поэтому придавалось особое значение кандидатуре на должность управляющего. В обязательном порядке требовалось: на эту должность надо найти «лицо, имеющее все необходимые познания для того, чтобы давать в случае официальных запросов надлежащие сведения по предмету сего отделения».

На управляющего возлагались и другие специфические обязанности. Надо было составить библиотеку «геральдических сочинений, в особенности до России касающихся, архив родословных и других документов, имеющих связь с его занятиями... коллекции слепков с древних российских и иностранных государственных печатей и предметов, до геральдики относящихся, и быть редактором геральдических сочинений...».

Круг обязанностей управляющего, как видим, был не только обширен, но и специален. «Квалифицированный и достойный» этого места человек наконец нашелся.

По рекомендации министра императорского двора В. Ф. Адлерберга выбор пал на «знатока геральдики» (он только что принимал участие в исправлении согласно западноевропейской моде государственного герба и создании гербов членам императорской фамилии) барона Бернгарда (Бориса Васильевича) Кёне.

Работая сотрудником Эрмитажа, Кёне занимался античной и западноевропейской нумизматикой, медалистикой, сфрагистикой. Правда, петербургские ученые Кёне не особо жаловали: он был заносчивым и стропти-

вым человеком. В его адрес даже сочинили злую стихотворную сатиру, несколько строк из которой мы приведем:

«Верлинский партикулярист,
Шпион по иностранной части,
Как самозванный геральдист
Добился он на службе власти».

Насколько справедливы эти строки, останется на совести современников Кёне. нас же интересуют не личные, а деловые качества управляющего Гербовым отделением.

Кёне только что утверждён в новой должности, а на него уже возложен «пересмотр всех губернских и прочих местных гербов Российской империи, с тем чтобы... представить проектные рисунки тем из сих гербов, кои по неправильности их составления требуют исправления или изменения». Не прошло и года, как Кёне докладывает: переделка губернских и городских гербов согласно правилам геральдики идет полным ходом. Главное, что занимало Кёне, — наделение каждого герба «букетом» украшений. Основное украшение — корона, причем в зависимости от статуса и значимости города применялись разные виды корон, венчающих гербовый щит. Гербы губерний и столиц увенчаны императорской короной, гербы древних русских городов — царской шапкой наподобие Мономаховой, гербы уездных городов — серебряной башенной короной с тремя зубцами.

Что касается других украшений, то они должны были согласно традиции отражать политическое значение города, род занятий горожан. Гербовые щиты губернских городов обрамлялись теперь дубовыми листьями с андреевской лентой. Города с развитой промышленностью получали в дополнение к гербу александровскую ленту с двумя золотыми молотками. Земледелие и хлебная торговля обозначались александровской лентой с двумя золотыми колосьями. Гербы приморских городов украшены также александровской лентой, но уже не с молотками и колосьями, а с двумя золотыми якорями.

Помимо украшений, Кёне заинтересовала и структура русского герба. Читатель помнит: с легкой руки фон Эпдепа большая часть городских гербов разделена горизонтально надвое: в верхней части — губернский герб, в нижней — самого города. Получается, что губернский герб — главный, хотя должно быть наоборот. Кёне предложил герб губернии помещать в вольной части щита

(пустой, не несущей какой-либо фигуры) городского герба, вправо (в правом углу щита), т. е. влево от зрителя, в крайнем случае (если правая часть занята) в левой, т. е. вправо от зрителя. При переходе города в новую губернию менялся губернский герб в вольной части щита. Наконец, в случае необходимости изображения на различных предметах герб губернского города можно было поместить в щитке на груди двуглавого государственного орла.

Внимательно изучив рисунки русских городских гербов, Кёне пришел к выводу, что среди изображенных на них фигур многие не являются геральдическими. Так, в гербе города Холмогоры Архангельской губернии в знак основанной там мореходной школы помещен квадрат — фигура, не оговоренная правилами геральдики. Кёне предложил изменить рисунок герба: гора в три холма (герб становился «говорящим»), над ней — бычья голова, поскольку жители города занимаются разведением скота.

Город Богородск Московской губернии издавна славился ткацкими изделиями, что отразилось в его гербе, поле которого занимал прядильный станок. Но это изображение Кёне счел отступлением от геральдических правил и заменил станок шестью пустыми ромбами. В таком виде новый герб Богородска утвержден в 1883 г. Два рога изобилия (Кёне их тоже счел негеральдическими фигурами) в гербе Новой Ладogi заменены двумя хлебными колосьями.

Рог изобилия и кадуцей харьковского герба также по причине «негеральдичности» не устраивали Кёне. Он предложил заменить их новыми эмблемами: конская голова, звезда, две византийские монеты. Конская голова должна означать конские заводы, находящиеся в губернии, звезда — университет, монеты — торговлю и богатство.

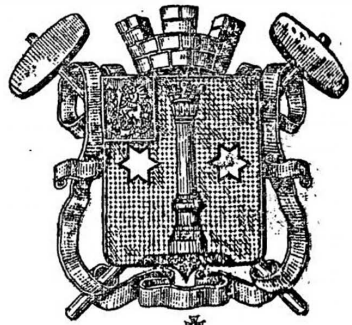
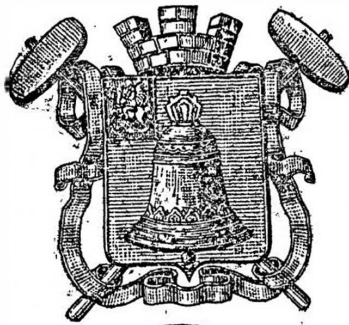
Когда вновь созданный герб Харьковской губернии 5 июля 1878 г. был опубликован согласно правительственному постановлению, разразилась буря в среде харьковского дворянства. В своих петициях оно требовало восстановления герба, который пожаловала Харькову Екатерина II. Это было, конечно, справедливо, ибо во всех уездных городах Харьковской губернии, в верхней части гербового щита помещался прежний герб. Возникло несоответствие. Ходатайство харьковского дворянства было в 1887 г. удовлетворено, однако к прежнему

гербу были добавлены императорская корона и соответствующие украшения гербового щита.

Подобные предложения об изменении гербовых фигур во многих городских знаках были сделаны Кёне и в других случаях. Из герба Воронежа он убрал двуглавого орла; в гербе Костромы придал новый ракурс и форму кораблю; перерисовал владимирского льва головой в фас; относительно геральдической фигуры в казанском гербе Кёне писал, что она неправильно названа змием, это дракон, а змий в геральдике обозначается по-иному; он отмечал неточности, встречавшиеся в описании вятского, новгородского, московского гербов, и т. д.

В общем, предполагалась полная перестройка формы уже существовавших гербов на общих геральдических началах, принятых, как это постоянно подчеркивал управляющий Гербовым отделением, во всех европейских государствах (поворот геральдических фигур обязательно прямо или вправо, но не влево; гербы не должны содержать изображений паровых машин, пистолетов и других новейших предметов, их следует заменять символическими изображениями, традиционными гербовыми эмблемами и т. д.).

Все это было, конечно, «бегом на месте» (сотни и сотни рисунков надо было заново перерисовать, подать на обсуждение и утверждение правительства, разослать на места) и практически неосуществимо. Однако определенная часть предложений законодательным путем была все же введена в практику при создании гербов городов и областей: это система внешних оформлений гербового щита — короны, орденские ленты и прочие атрибуты. Описание корон и украшений гербов губерний, областей, градоначальств, городов и посадов было опубликовано в ПСЗ в 1857 г. Согласно этому указу, выпуск всех следующих за ним территориальных гербов был сориентирован на определенную единую форму. Городская реформа 1870 г. и последующие за ней правительственные постановления снова привели в действие часовой механизм — составление, представление на утверждение верховной власти, публикацию утвержденных гербов. Чтобы унифицировать все городские гербы Российской империи, было необходимо поместить губернский герб в вольной части щита герба городского. Вспомним, что в городском гербе присутствовал еще старый местнический герб. Его надо было убрать, заменив губернским. Однако сначала требовалось распределить города по губерниям

Гербы, утвержденные во второй половине XIX в. согласно проектам В. Кёне (Звенигород, Коломна (верхний ряд), Воронеж, Московская губерния (средний ряд), Кубанская область (внизу))

(зачастую по новым!), нарисовать губернские и областные гербы.

В Гербовом отделении эта работа была проделана, гербы составлены.

Указом от 5 июля 1878 г. Сенат ввел в действие 46 гербов губерний (35) и областей (11). Все гербы имели атрибуты (короны, украшения), утвержденные ранее. Они были опубликованы в 1880 г. в виде отдельного сборника — «Гербы губерний и областей Российской империи».

Вскоре правительственный указ ввел в жизнь первую серию видоизмененных городских гербов: гербы города Москвы и Московской губернии. Хотя все они к концу XIX в. были утверждены, изображались на печатах городов, но постановлению 1883 г. гербы приобретали другой вид. В некоторых менялись центральные фигуры (вспомним герб Богородска), все гербы в вольной части имели герб Московской губернии, каждый городской знак получал соответствующие украшения. В конце XIX — начале XX в. утверждалось довольно много новых гербов. Так, в 1890 г. появились гербы Закаспийской, Ферганской, Самаркандской областей, затем Семиреченской области, Туркестанского генерал-губернаторства и ряда среднеазиатских и дальневосточных городов. Как правило, проекты их составлялись на местах. Однако где бы они ни сочинялись, все имеют узаконенные украшения вокруг щита и изображения губернского или областного герба в вольной части. Не все ранее утвержденные гербы имели данные атрибуты, поэтому в мае 1914 г. было принято специальное решение об обязательности для каждого городского герба помещать в вольной части губернский или областной герб.

Гербовое отделение строго следило за соблюдением этого правила, так как правительство ему запретило выдавать копии гербов, рисунки которых отступали от правила.

Однако Гербовое отделение не смогло полностью выполнить все распоряжения — началась первая мировая война, герботворчество в центре приостановилось, чего нельзя сказать, однако, о деятельности подобного плака на местах: проекты гербов составлялись и в 1916 г.

О чем свидетельствовала бурная герботворческая деятельность правительственных органов России середины и второй половины XIX в.? Какую пользу извлекал город из многочисленных постановлений, утверждавший, беско-

нечных изменений формы гербов? Развивала ли внешняя мишура, вычурность атрибутики городского знака гражданские чувства, как это было на заре российского городского герботворчества?

Если в начальный период официального введения в России в XVIII в. городских гербов они как знаки муниципальной автономии заслуживали внимания русского общества (вспомним: как много писали о гербе, «удревняли» его, изображали на флагах, вывешенных в общественных городских местах!), то в течение XIX в. интерес к гербу тускнеет. Прямое доказательство — отрицательные ответы многих представителей городской администрации на вопросы центральных учреждений о местных гербах. В ответ на требования Герольдии о присылке ей копий с городских гербов и их описаний в середине XIX в. орловское дворянское собрание сообщило, что гербов городов Орловской губернии и их описаний ни дворянское собрание, ни губернская администрация не имеют. «Отозвались неимением» гербов Тверская, Весьегонская, Зубцовская городские думы. Многие же губернские правления, если получали какой-либо запрос из центра по поводу герба, поручали составить его проект землемеру, не зная, что герб у города имелся. О гербах уже мало упоминают и в исторической и в краеведческой («отчизноведческой» — термин XIX в.) литературе: необязательность сообщения данных о гербе города, если речь идет в целом о губернии, епархии и прочих регионах, незнание и неточность описания эмблем в том случае, если о гербе все-таки идет речь... Равнодушие, безразличие, второстепенность сюжетики — все это становится понятным, если налицо псевдопринятие герба как символа города.

Почему же в общественном сознании произошла такая метаморфоза? Думается, что идея городского герба как символа самоуправления, самостоятельности города потеряла в глазах общества свою привлекательность из-за отношения последнего к несостоявшемуся городскому управлению, надежды на которое давало Городовое положение 1785 г. Посулы его не осуществились на практике. «Общее равнодушие к делам общественным» — вот как охарактеризовал крупнейший дореволюционный исследователь правового положения русского города И. И. Дитятин реакцию городского общества на несбывшиеся посулы правительства в отношении общественной автономии. Дитятин прямо пишет, что такие правительст-

венные приманки, как награждение служащих по общественным выборам чинами, орденами, различными привилегиями, облачение их в мундиры, не имели успеха в преодолении «равнодушия» русского общества к делам городского устройства. Царские посулы вылились в XIX в. в усиление правительственной опеки, которая поглотила зародыши самоуправления и автономии. Естественно, что и символ фиктивного самоуправления отныне воспринимался как фикция. В глазах российских горожан герб, может быть, потерял «авторитет» и в результате скептического отношения к различным знакам, титулам, гербам, званиям, которое возникло в общественной среде после Французской буржуазной революции, и, конечно же, волна отрицания атрибутов феодального общества докатилась к XIX в. и до России.

Итак, в XIX в. город, можно сказать, игнорировал герб, а правительство его насаждало. Герботворчество и использование гербов целиком обретает характер государственного мероприятия, проводимого сверху, а герб становится знаком, выражающим деятельность правительства, основные принципы царской политики. Гербы превращаются в средство пропаганды. Но что выбрать носителем этой пропаганды? То, что прежде всего бросается в глаза, то, с чем имеют дело каждый день.

Территориальные (городские, губерnsкие, областные) гербы находят пристанище на всякого рода знаках, прежде всего на печатях. До специального разъяснения в «Своде законов Российской империи» (изд. 1857 г.) в вопросе о форме печатей присутственных мест не было определенности. Поэтому возникали всевозможные спорные ситуации, в частности когда речь шла о прикладывании печатей судебными органами. В «Своде законов», казалось бы, четко сформулировали правило: «Каждое присутственное место имеет свою печать с изображением губернского, уездного или другого герба по принадлежности того места». Однако в Герольдию, Министерство юстиции продолжали поступать запросы из различных ведомств и учреждений о подписях на печатях, деталях рисунков и пр. Тогда Департамент герольдии подготовил рисунки печатей присутственных мест, и в 1883 г. они в конце концов были утверждены.

XIX век дает нам множество печатей с изображением городских и губерnsких гербов. Это печати должностных лиц и учреждений. Печати с губерnsким гербом имели административные присутственные места, мировой по-

средник, уездный мировой съезд, губернское по крестьянским делам присутствие.

Губернские и городские гербы мы видим на печатях банков, благотворительных обществ, больниц, исправительных домов, попечительных советов, карантинных правлений, сельскохозяйственных, экономических обществ и на других.

С печатями по количеству могут конкурировать должностные знаки.

Согласно Городовому положению 1870 г., официально узакопены знаки с городским гербом для городского головы, членов городских управ, исполнительных комиссий, торговых deputаций, чинов торговой и хозяйственной полиции. Выглядел знак следующим образом: «на середине лицевой стороны знака был изображен герб подлежащего городского поселения с наименованием по краям одного должностного лица, которое будет носить оный при отправлении служебных обязанностей, а на оборотной стороне знака было означено время утверждения Городового положения». Когда вошло в силу Городовое положение 1892 г., специальные знаки с гербом города получили: агент оценочной комиссии, городской контролер по канализации и другие «второстепенные» представители городской администрации.

Губернский герб, увенчанный короной, поместили также после реформы 1861 г. на знаках выборных от крестьян должностных лиц: волостного старшины и его помощника, сельского старосты, а также сельского судьи, волостного судьи, волостного заседателя (см. вклейку). Подобные знаки использовались в волостном и сельском управлении нерусского населения.

Кроме знака, который носился, как правило, на цепи на груди, должностные лица, чиновники носили мундиры, отличающиеся пуговицами с гербом каждой губернии. С соответствующими гербами губерний на пуговицах носили мундиры учащиеся. Мундиры градоначальников украшали пуговицы с гербом подведомственного им города.

Дальше — больше. К форменной одежде гражданских чиновников и чипов городской полиции добавили еще один атрибут: на шалке, сверху над козырьком, прикреплалась металлическая бляха с выштампованным городским гербом. В конце XIX — начале XX в. форменные мундиры городских полицейских чинов украсились городской эмблемой в виде шитья. Она помещалась на ворот-

нике и обшлагах. Мушкетеры чиповников рыболовного и зверового надзора носили городскую или губернскую эмблему в качестве наплечного знака и т. д.

...Но пуговицы, кокарды со временем и от долгого употребления стираются, тускнеют. Куда бы еще поместить городской герб, чтобы долгие годы изображение напоминало о чем-то важном, значительном?

На памятные медали и жетоны — они широко распространены в России во второй половине XIX в. Их выпускали в честь юбилеев городов, различных учреждений. На медали, помимо герба, чеканили вензель имени императора и основателя учреждения-юбилера. Сохранились медали с подобными изображениями в память 100-летнего юбилея 1-й Казанской гимназии, в честь основания Томского университета, 100-летия Тверской мужской гимназии, жетон к 75-летию учреждения дома призрения в Санкт-Петербурге. 800-летие Рязани, 250-летие Симбирска, 100-летие Крестцов и 200-летие Санкт-Петербурга также запечатлены на памятных медалях и жетонах с гербами этих городов.

...Можно было наблюдать и такую картину: по реке движется судно спасательной службы под развевающимся флагом. На флаге — герб города, при котором числятся спасатели.

...На зданиях любительских обществ тоже иногда вывешивались флаги с городскими гербами. И, конечно же, губернские гербы красовались на столбах, разделявших границы губерний.

Множество постановлений о введении все новых и новых знаков, флагов, мушкетеров с гербами городов заполняют страницы ПСЗ во вторую половину XIX в. Они-то как раз и позволяют высветлить функцию этого символического знака. Думается, что опознавательно-отличительный характер герба как знака в совокупности с возможностью воплотить в нем визуальную идею самодержавия сделал городской (губернский) герб своеобразным идеологическим орудием в руках правительства.

В то время как официальная идеологическая политика предусматривала насаждение всевозможных знаков отличия, к числу которых надо отнести и гербы, так как они в наглядной форме проводили в жизнь идею самодержавия, идею самобытности России, отличия ее исторического пути от развития западноевропейских стран с их революциями, уничтожением старого, феодального, общественное сознание не могло принять эти идеи. Отра-

жением подобного «невосприятия» служат появившиеся в печати отзывы представителей передовой общественной мысли России XIX в. на различные издания, посвященные символическим знакам. В качестве примера можно назвать рецензии В. Г. Белинского на книгу «Сердце человеческое есть храм Божий или жилище Сатаны, представлено для удобнейшего понятия в 10 фигурах (для поощрения и способствования к христианскому житию)» (СПб., 1822) и Н. Г. Чернышевского на книгу А. Б. Лакиера «Русская геральдика» (СПб., 1855). Чернышевский направил огонь своей критики в основном на дворянские гербы, считая их предметом ничемным.

Идеи отрицания и борьбы со всем отживающим, неразумным, равно как и протест против идеологической правительственной концепции самобытности России, идеализации ее патриархального прошлого, — вот основные побудительные причины, которые вызвали выступление представителей передовой русской интеллигенции против насаждения и популяризации символов, церковно-монархических знаков, гербов.